Редин Д. А.
(Екатеринбург)

УДК 94(470)

«ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ УКАЗЫ» ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В 1713-1721 г. Петр I издает серию взаимосвязанных и взаимодополняющих указов, направленных на пресечение коррупции. В делопроизводственной документации тех лет они именовались «запретительными». Одновременно с этим царь предпринимает энергичные организационные меры, призванные обеспечить практическую реализацию этого законодательства. Автор задается вопросом, почему именно в эти годы монарх разворачивает беспрецедентную борьбу с коррупцией. Ответ видится в том, что это законодательство было вызвано серьезными изменениями в экономике России, породившими масштабную и системную экономическую преступность. Прежде всего, эти изменения произошли в сфере финансов и налогов. Они были связаны с насыщением национальной экономики деньгами, переводом большей части налогов и сборов в денежную форму, широкой практикой государственных закупок. Интенсификация денежных потоков при слабом контроле со стороны государства, открывшийся доступ к казенным средствам со стороны как чиновничества, так и частных лиц привели к резкому росту криминализации экономики. «Запретительные» указы Петра стали, таким образом, не только реакцией, но и важным индикатором перемен экономического характера; обозначили коррупцию как впервые возникшую системную угрозу интересам государства.

Ключевые слова: Петр I, экономика, экономическая преступность, налоги, государственные закупки, монетизация, коррупция.

In 1713-1721 Peter the Great issues a series of interrelated and complementary decrees aimed at the curbing of corruption. In the office documentation of those years, they were called "prohibitive". At the same time, the tsar is taking energetic organizational measures designed to ensure the practical implementation of this legislation. The author wonders why it is during these years that the monarch is launching an unprecedented fight against corruption. The answer is seen in the fact that this legislation was caused by serious changes in the Russian economy, which gave rise to large-scale and systemic economic crime. First of all, these changes have occurred in the field of finance and taxes. They were associated with the saturation of the national economy with money, the transfer of most of the taxes and fees into monetary form, and the widespread practice of public procurement. The intensification of cash flows with weak control by the state, the access to state funds opened by both officials and private individuals led to a sharp increase in the criminalization of the economy. Thus, Peter's "prohibitive" decrees became not only a reaction, but also an important indicator of economic changes; they designated corruption as a systemic threat to the interests of the state for the first time.

Keywords: Peter I, economy, economic crime, taxes, public procurement, monetization, corruption.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133

«Запретительные указы» – термин, который встречается в судебно-следственном делопроизводстве последних лет Петровского царствования. Он относился к тематически связанным указам 1714 – начала 1720-х гг., предмет регулирования которых по-разному трактуется в современной исследовательской литературе. Их характеризуют как антикоррупционные, как направленные на искоренение взяточничества, как законы, призванные пресечь должностную преступность. Д. О. Серов, при анализе общеисторической ситуации, в которой появились отмеченные указы, акценти-

ровал внимание именно на их антикоррупционной составляющей, заметив, что Петр I организовал и провел «первую в истории государства и права России массированную кампанию по борьбе с коррупцией» [26, с. 34]. Безусловно, все перечисленные мотивы в той или иной степени обозначены в названных указах и взаимосвязаны между собой. Но базовой темой, объединявшей эти акты, являлось, как представляется, то, что в современном праве именуют экономической преступностью, и направлены указы были на её пресечение.

Само понятие экономической преступности сформировалось поздно, в начале 1940-х гг. Традиционно, первую попытку выделить данный феномен и дать ему определение, связывают с именем американского криминолога Эдвина Сатерленда [2, с. 43]. Но новизна понятия не обязательно означает новизну явления. При всех трудностях определения «экономическая преступность»¹, думается, для дальнейших рассуждений будет продуктивным отталкиваться от понимания экономической преступности в практическом смысле, как сложной совокупности нескольких десятков составов преступлений, предусмотренных уголовным законом [5, с. 628]: хищения, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, сокрытие доходов от налогообложения (неуплата налогов), обман потребителей, незаконное предпринимательство в торговле, контрабанда, мошенничество, присвоение и растрата и т.п. Не трудно увидеть, что в этом перечне присутствуют явления, в той или иной степени существовавшие задолго до наших дней, да и до Петровского царствования тоже. Что же, в таком случае, подвигло монарха к разработке и внедрению специального законодательства, причем именно в указанный хронологический период?

По определению экономические преступления возникают в сфере экономики, той общественной хозяйственной деятельности, которая в самых общих чертах является совокупностью отношений в производстве, распределении, обмене и потреблении. Вероятно, возникновение комплекса законодательных мер, кумулятивно направленных на подавление криминала в экономике, сигнализирует, помимо прочего, о трех важных моментах: во-первых, о том, что в государственном хозяйстве к определенному временному рубежу накопились какие-то значимые изменения, открывшие возможности для преступного обогащения; во-вторых, о том, что масштабы этого преступного обогащения стали угрожать экономическим интересам самого государства; и, в-третьих, о том, что верховная власть осознала серьезность этой угрозы. Поэтому, анализ «запретительных указов» значим не только с точки зрения истории права, но и в более широком контексте, в частности, в контексте тех экономических перемен, которые проявились в первой четверти XVIII в. и оказали серьезное влияние и на право, и на организацию новых государственных институтов, и на характер социальных отношений, если под последними понимать, в том числе, такие явления как криминализацию образа жизни и мотиваций социально активной части населения.

Известно, что любые глобальные изменения общественного устройства или форм государственного правления, будь то коренные реформы или революции, приводят к росту нестабильности и, как следствие, разнообразных форм преступности. Петровские реформы, наложившиеся на затяжную и тяжелую войну с одним из сильнейших государств того времени – Швецией, не стали исключением. Для обеспечения победы над противником власти были вынуждены развернуть беспрецедентную по своим масштабам ресурсную мобилизацию, тяжесть которой прежде всего легла на податные слои населения, но также и на дворянство. Одновременно, война, стимулировавшая потребность в материальном обеспечении армии, её реорганизации в соответствии с лучшими европейскими образцами, создании новых родов войск и видов вооруженных сил (инженерные войска и военно-морской флот),

¹ В современной юридической литературе различают понятия «экономическое преступление» и «экономическая преступность». Первое относят к понятию уголовно-правового, а второе – к понятию криминологического характера [6, с.235]. Определение границ дефиниции «экономическое преступление» в уголовно-правовом смысле признается весьма сложным ввиду его известной условности [28, с. 32]. Поэтому, а также исходя из характера настоящей статьи, я использую термин «экономическая преступность».

вызвала или катализировала структурные перемены в экономике, в частности, в фискальной и финансовой сферах, среди которых отмечу следующие.

1. *Потребность резкого увеличения денежной массы, насыщения деньгами экономики страны.* Дефицит денег как, в первую очередь, средства обращения и средства платежа отчетливо ощущался в России и до воцарения Петра, а расстройство денежной системы, вызванное как долгосрочными (отсутствие собственного монетного сырья), так и ситуативными (затяжные войны второй половины XVII в.) причинами стало критическим к рубежу XVII-XVIII столетий. Только один перевод вооруженных сил на западноевропейские стандарты комплектования и снабжения лег тяжким бременем на государственную казну, поскольку, в отличие от традиционного поместного ополчения, требовал централизованного обеспечения войск всем необходимым за казенный счет. Не удивительно, что в череде петровских реформ самой первой по времени возникновения и самой протяженной по реализации стала денежная реформа, длившаяся в течение почти всего царствования своего инициатора. В научной литературе отмечают, что реформа была нацелена на достижение комплекса результатов: решение проблемы сырьевой базы для национальной чеканки монет; придание денежной системе упорядоченности; перевод денежного дела на качественно новый (аналогичный западноевропейскому) технико-технологический уровень; повышение государственного дохода от монетной регалии и т.п. [27, с. 37–41; 8, с. 65]. Но в конечном итоге главным смыслом реформы оставалось, говоря современным языком, *повышение коэффициента монетизации экономики*, что диктовалось не только потребностями внутреннего рынка и внешнеторговыми амбициями, но в не меньшей, если не в большей степени, военными расходами, достигавшими в разные годы Петровского царствования от 55 до почти 96% от общего дохода казны.

2. *Усложнение и расстройство налоговой системы.* В указанный период организация фиска отличалась невероятной сложностью и работала на грани возможного. До введения подушной подати, не столько упростившей прежнюю систему налогов и сборов, сколько принесшую новые проблемы, её структура насчитывала до полусотни, если не более, наименований прямых и косвенных платежей, отличавшихся при этом для разных категорий тяглого населения и варьиовавшихся в зависимости от местности. В самых общих чертах она состояла из *окладных* (таможенные и кабацкие, стрелецкие, оброчные, десятой денги, канцелярские, новоуравнительные, поведерные, подворные («с крестьянского дворового числа»), в Военную коллегия (с дворцовых, частновладельческих и монастырских крестьян), в Адмиралтейство (с тех же категорий), ямские и полоняничные (с тех же категорий), на наем подвод (с частновладельческих и монастырских крестьян), оброчные деньги и хлеб в Монастырский приказ (с архиерейских, монастырских крестьян), драгунам, драгунским лошадям и «на подъем каменщиков» (со всех категорий), в монастыри на кормовые припасы (со всех категорий), в Ижорскую канцелярию «за окладной лишней правянт» (с дворцовых), туда же на покупку фуража (со всех категорий), посошный хлеб) и *неокладных* сборов. Последние, будучи чрезвычайными, делились на «*посвягодные*», т.е. чрезвычайные, но более или менее постоянные (наиболее известные из них, хотя не исчерпывающие всего перечня – т.н. «канцелярские» сборы: с рыбных ловель, конских, с мостов и перевозов, с мельниц оброку четвертой доли, с оброчных бань, с оброчных земель и пчел, с постоянных дворов, от письма крепостей, табачные, венечные и выводные, с «русского платья и з бороды» и др.) и «*не посвягодные*», или «*запросные*», вводимые под ту или иную конкретную потребность («не посвягодные для случившейся войны», «работным людям в подмогу и на другие расходы» и проч.), вообще не поддающиеся учету [18, вклейка между л. 18-20; 20, л. 814-815]. Характерно, что большая часть этих налогов и сборов взималась *деньгами*, а не натурой. Соответственно, в данном случае можно говорить о *резком росте монетизации фиска* в смысле существенного замещения в его системе натуральных сборов деньгами.

3. *Появление новых форм хозяйственных отношений между государством и населением*, самым заметным проявлением чего стало интенсивное и масштабное развитие практи-

ки государственных закупок, также связанных со значительным оборотом *казенных денежных средств*. Потребности воюющей и реформируемой армии, строящегося флота не покрывались полностью за счет налоговых поступлений, страдавших, к тому же, от хронических недоимок. Отсюда возникла необходимость привлечения частной инициативы к поставкам фуража, продовольствия, других материальных припасов на договорной основе. Все это на языке того времени называлось *подрядом*¹. Примечательно, что заключить договор на поставку товаров или услуг мог любой подданный короны [18, л. 97]; в качестве заказчика от лица казны могло выступать любое государственное учреждение («приказы, и канцелярии, и губернии»; «в губерниях и канцеляриях, где кому лучится подрядить под Е.и.в. казенные всякие припасы») [Там же].

Всё перечисленное: запутанная и сложная система налогообложения и её монетизация, возросшие потоки денежных средств при одновременном ослаблении централизованного учета и контроля и возросшей самостоятельности местного административного аппарата (в ходе первой губернской реформы), качественно обострили криминогенную ситуацию в экономике, усугубившуюся открывшимся доступом к колоссальным казенным средствам через госзаказ для широкого круга частных лиц.

Это проявилось в появлении новых и в увеличении масштабов старых форм экономической преступности. Например, хаос в налоговой сфере стимулировал рост взяточничества в административном аппарате, ответственном за сбор налогов и платежей; должностные лица получили возможность за принудительные или добровольные подношения давать отсрочки по платежам или выплатам недоимок. Подобные преступления могли существовать и ранее; в годы реформ они стали лишь более частыми и повсеместными. Но источники фиксируют и новые проявления криминала, связанного с манипулированием фиском: сбор средств с тягловых чинами местных администраций в свою пользу под видом взимания чрезвычайных податей. Наиболее яркий из известных примеров такого рода – преступная деятельность ишимского приказчика Семена Немтинова, спровоцировавшая восстание 1714 г. [4, с. 58-64; 1, с. 96-111; 21, с. 550-551]². На основании собственных указов сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин осуществлял через комендантов сбор податей с крестьян подгородных тобольских волостей в свою пользу; эти суммы фиксировались в т.н. «зачетных росписях» и выводились из официального налогообложения [17, л. 82, 83 об.]. О степени распространения подобных махинаций свидетельствует указ от 10 февраля 1720 г., повелевавший публиковать указы о сборе податей только в печатном виде, чтобы «некому б нельзя было прибавить или убавить» и грозивший тем, «кто сверх того что станет брать лишнее», смертной казнью или вечной ссылкой на галеры с «вырезанием ноздрей»³.

Крупные денежные суммы, стекавшиеся в губернские кассы для последующего перераспределения на нужды центральных ведомств, создавали искушение и возможности для прямых хищений государственных средств с использованием служебного положения. Отсутствие действенной системы контроля и круговая порука, существовавшая в управленческой среде, позволяли, например, руководителям старшего звена местного аппарата брать из губернской кассы крупные суммы денег «в зачет жалованья» в размерах, в разы превышавших их должностные оклады. Схема такого рода была, например, раскрыта во время следствия над санкт-петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым [19, л. 385]. Разумеется, крайне криминогенной была подрядная деятельность, в которой самое активное участие принимали должностные лица, в том числе – самого высокого ранга. Одним из наиболее резонансных дел такого рода стала т.н. «подрядная афера», организованная

¹ В контексте юридических понятий изучаемой эпохи подряд являлся родовым понятием, синонимичным понятию «договор». Подрядиться – означало заключить договор на предоставление товаров и/или услуг.

² Т. С. Мамсик, склонная считать ишимские события частью политических происков сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, также, тем не менее, не отрицает, что местные крестьяне начали восстание, будучи недовольными поборами Немтинова [7, с. 23].

³ Указ не опубликован в Полном собрании законов. Приводится по [3, л. 57–57 об.].

высшими государственными сановниками: кн. А. Д. Меншиковым, сенаторами В. А. Апухтиным и кн. Г. И. Волконским и упоминавшимся петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым. Схемы преступной наживы через подрядные махинации были незамысловаты. Речь шла либо о завышении договорной цены, либо о получении предоплаты по договору с последующим невыполнением или неполном выполнении обязательств поставки; разумеется, не исключались и комбинации этих вариантов. Администраторы участвовали в подрядных аферах через подставных лиц, выстраивая, порой, очень длинные цепи посредников. Принципиально важным было то, что преступность в сфере госзакупок приобрела массовый характер; в нее оказались вовлечены не только крупные сановники, но и широкий круг частных лиц самого разного социального статуса.

Интенсификация движения материальных средств, в том числе на внешнем рынке, привело к росту криминализации в сфере торговли: уход от таможенных платежей и контрабанда. В нее оказались вовлеченными не только рядовые участники – купцы и торгующие обыватели, но и должностные лица, ущерб от криминальной деятельности которых составляли очень внушительные суммы. Наиболее известными, выявленными следствием, но до конца еще не исследованными историками, стали контрабандные операции А. А. Курбатова (в его бытность архангелогородским вице-губернатором) и, особенно, комиссаров братьев Соловьевых, создавших, по справедливому замечанию Д. О. Серова, «международную преступную группу, занимавшуюся контрабандой российских товаров в особо крупных размерах» [24, с. 71].

Безусловно, все перечисленные преступления носили коррупционный характер, поскольку неизбежно подразумевали коммерческий подкуп, злоупотребление служебным положением и полномочиями, дачу и получения взяток в целях извлечения выгоды вопреки законным интересам государства и общества. Масштабы совокупных потерь бюджета от перечисленных преступлений, вероятно, стали так велики, что потребовали комплексных мер противодействия со стороны государства. Судя по всему, наиболее значительные потери выпали на период 1700-х – первой половины 1710-х гг. Как не безосновательно предполагал Д. О. Серов, подозрения о масштабных махинациях и хищениях в сфере налогов и подрядов, вероятно, достигли у Петра I некоего критического порога к концу 1700-х гг., что, возможно, стало причиной учреждения царем фискальской службы в 1711 г. [25, с. 67-68]. Результаты деятельности фискалов в первые годы существования института доказали справедливость опасений монарха и раскрыли невиданный размах хищений и коррупции, пронизавший систему государственной администрации до самых верхних эшелонов.

Вот тут-то и появляются на свет «запретительные указы», направленные на подавление преступной деятельности в сфере экономики (против «повреждения государственного интереса», говоря языком того времени). Первый из них датированный 24 апреля 1713 г., устанавливал санкцию в виде смертной казни и конфискации движимых и недвижимых имуществ для уличенных «повредителей интересов государственных» и их пособников [9, № 2673]. 25 августа того же года именным указом Петр I, среди прочего, запретил государственным служащим («судьям» и приказным, «кому какие припасы и запасы приемом и роздачею подлежат», заключать договоры на поставку товаров и услуг («подряды») с казной, как от своего имени, так и через подставных лиц [10, № 2707]. В нём же перечислялся круг составов преступлений, наносивших ущерб «интересам государственным и всего народа»: злоупотребления при раздаче государственных подрядов, вымогательство взяток за отсрочку платежей и взимание «кормов». В знаменитом именном указе от 24 декабря 1714 г. было сформулировано общее понятие о преступлении: «все, что вред и убыток государству приключить может суть преступление», в котором особо подчеркивалась недопустимость «никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымысла», – пожалуй, это стал первый указ ясно выраженной антикоррупционной направленности [11, № 2871]. Наконец, в именном указе от 25 января 1715 г. экономические преступления («похищение казны») были отнесены к кругу государственных преступлений

(3-й пункт «слова и дела») [12, № 2877]. Кроме этого, в 1717-1721 гг. еще 5 указов уточнили круг противозаконных действий должностных лиц (отнеся к ним, в том числе, волокиту в судебных делах и несправедный суд) и несколько раз подтвердили особое значение преследования «хищников» – взяточников и казнокрадов, конечное решение судьбы которых подлежало высочайшей воле [13, № 3081; 14, № 3298; 15, № 3601; 16, № 3756; 3, л. 57-57 об.]. Наконец, появление 17 апреля 1722 г. указа «О хранении прав гражданских», риторикой и текстуальными совпадениями воскресавшего в памяти указ от 24 декабря 1714 г., знаменовало определенное подведение итогов создания антикоррупционного законодательства. Как гласил текст самого указа, этим актом «яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов...» [23, с. 186-187.]. Эти и некоторые другие указы в большинстве своем связаны редакционно, часто носят дополняющий и расширяющий характер по отношению друг к другу, что свидетельствует о них как о результате целенаправленной и комплексной работы и позволяет проследить эволюцию законодательной мысли по созданию антикоррупционных норм.

Одновременно с целенаправленной законодательной деятельностью, Петр предпринял меры организационного характера, направленные на исполнение введенных норм. С этой целью в тот же период им была создана сеть контрольных, ревизионных, судебных и следственных органов. Среди них особенно следует отметить уже упомянутую фискальную службу, которая, в качестве подведомственного Сенату учреждения, хотя и была создана в 1711 г., но наибольшей результативности (выявления разнообразных случаев хищений и злоупотреблений) добилась к 1712-1714 гг. [25, с. 90]; специализированные следственные органы – т.н. «майорские» розыскные канцелярии (с 1713 г.); следственную канцелярию генерал-прокуратуры Сената (с 1722 г.), трансформированную в Розыскную контору Вышнего суда в 1723 г. (надо при этом отметить, что и до 1722 г. Сенат выполнял роль не только высшей судебной инстанции, но, посредством своей канцелярии, осуществлял следственные функции); Подрядную канцелярию, учрежденную в 1715 г. [Подробнее см. 22, с. 131-144]; прокуратуру (с 1722 г.).

Право – весьма чуткий индикатор общественных трансформаций. Потребность в новых нормах права обусловлена, обычно, появлением в обществе неких изменений, не подпадавших до того под действие существующего нормативно-правового регулирования. Разумеется, юридическая реакция на такие изменения не мгновенна. Требуется определенное время, чтобы новации в общественных отношениях достигли определенной критической массы, а их значение было осознано законодателем. Известно также, что в некоторых ситуациях законодатель пытается понять общественные тренды, предвосхитить события и/или «отформатировать» развитие общества с помощью права в нужном для себя русле. Но результаты таких практик бывают сомнительны, нередко порождая «мертвые» нормы. Что касается законотворческого «мейнстрима» России раннего Нового времени, то правовое регулирование было, все-таки, скорее именно реакцией на социальную динамику или попыткой фиксации/стабилизации устоявшихся отношений. Перечисленные законодательные и организационные меры, предпринятые Петром I в начале 1710-х – 1720-х гг. и направленные на противодействие экономической преступности, стали реакцией на изменения в системе государственного хозяйства страны. Имея своей *идеей* защиту экономических интересов короны, они четко определили основную *цель* поражения: коррупцию¹. Именно коррупция, как *система* злоупотреблений должностным положением на основе корыстных мотивов,

¹ Известные значения латинского слова *corruptio* – подкуп, продажность, но также и порча, разложение, растление. Петровское законодательство не оперировало этим латинским термином, но нашло ему вполне адекватную замену: *повреждение* государственного интереса.

явилась «побочным продуктом» превращения России в государство современного типа и структуроразрушающей угрозой его существованию. В этом смысле появление «запретительных указов» Петра является дополнительным признаком тех качественных изменений, которые произошли со страной в первые десятилетия XVIII в.

Список источников и литературы

1. Акишин, М. О., Шашков, А. Т. (1998). *Фискальный гнет петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII – начала XVIII в.)* // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI-XX вв. Новосибирск: Наука; Сиб. предприятие. С. 96-111.
2. Волкова, Н. М. (2013). *Эволюция взглядов на юридическую характеристику экономических преступлений* // Образование и право. № 7 (47). С. 142-149.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 57-57 об.
4. Голикова, Н. Б. (1963). *Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 г. (из истории классовой борьбы сибирского крестьянства)* // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 3. С. 58-64.
5. Долгова, А. И. (2013). *Криминология: учебник*. М.: Норма: Инфра-М. 1007 с.
6. Кузнецов, А. П. (2017). *Экономическое преступление и экономическая преступность: соотношение понятий* // Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (39). С. 235-239.
7. Мамсик, Т. С. (2013). *Экспедиция И. Д. Бухольца и «восстание» ишимских крестьян 1714 г.* // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 20-24.
8. Муравьева Л. А. (2007). *Денежная реформа Петра Первого* // Деньги и кредит. № 1. С. 63-71.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. ПСЗ-I. Т. V. № 2673.
10. ПСЗ-I. Т. V. № 2707.
11. ПСЗ-I. Т. V. № 2871.
12. ПСЗ-I. Т. V. № 2877.
13. ПСЗ-I. Т. V. № 3081.
14. ПСЗ-I. Т. V. № 3298.
15. ПСЗ-I. Т. VI. № 3601.
16. ПСЗ-I. Т. VI. № 3756.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82, 83 об.
18. РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Вклейка между Л. 18-20, 97.
19. РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 59. Л. 385.
20. РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 814-815.
21. Редин, Д. А. (2007). *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.)*. Екатеринбург: Волот. 608 с.
22. Редин, Д. А. (2020). *Канцелярия подрядных дел (к истории законодательно-административного регулирования государственных закупок в России петровского времени)* // Вестник государственного и муниципального управления. № 3 (37). С. 131-144.
23. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
24. Серов, Д. О. (2007). *Администрация Петра I*. М.: ОГИ. 288 с.

25. Серов, Д. О. (2012). *Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в.* Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. 449 с.
26. Серов, Д. О. (2019). *Противодействие коррупции: опыт Петра I* // Юридический мир. № 9 (273). С. 27-35.
27. Шулькова, Н. Н. (2004). *Преобразования денежной системы России конца XVII – начала XVIII в. Реформа Петра I* // Денежные реформы в России: история и современность. М.: Древлехранилище. С. 37-41.
28. Яни, П. С. (1997). *Экономические и служебные преступления.* М.: Бизнес-школа «Интел-синтез». 201 с.

References

1. Akishin, M. O., Shashkov, A. T. (1998). *Fiskal'nyj gnet petrovskoj epohi i sibirskoe krest'yanstvo (k voprosu o dostovernosti perepisej konca XVII – nachala XVIII v.)* [Fiscal oppression of the Petrine era and the Siberian peasantry (on the question of the reliability of censuses of the late 17th – early 18th centuries)] in *Istoriya russkoj duhovnoj kul'tury v rukopisnom nasledii XVI-XX vv.* Novosibirsk, Nauka Publ.; Sib. Predpriyatie Publ., 96-111. (in Russian).
2. Volkova, N. M. (2013). *Evoljuciya vzglyadov na yuridicheskuyu harakteristiku ekonomicheskikh prestuplenij* [Evolution of Views on the Legal Characteristics of Economic Crimes] in *Obrazovanie i pravo*, 7 (47), 142-149. (in Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (SASO)* [State Archives of the Sverdlovsk Region]. F. 24. Op. 12.D. 2.L. 57-57 rev. (in Russian).
4. Golikova, N. B. (1963). *Vosstanie krest'yan ishimskih slobod v 1714 g. (iz istorii klassovoj bor'by sibirskogo krest'yanstva)* [The Uprising of the Peasants of the Ishim Settlements in 1714 (from the History of the Class Struggle of the Siberian Peasantry)] in *Vestnik MGU*, 1963, ser. 8. Istoriya, 3, 58-64. (in Russian).
5. Dolgova, A. I. (2013). *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: Textbook]. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ. (in Russian).
6. Kuznecov, A. P. (2017). *Ekonomicheskoe prestuplenie i ekonomicheskaya prestupnost': sootnoshenie ponyatij* [Economic Offense and Economic Crime: the Relationship of Concepts] in *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 3 (39), 235-239. (in Russian).
7. Mamsik, T. S. (2013). *Ekspediciya I. D. Buhol'ca i «vosstanie» ishimskih krest'yan 1714 g.* [The Expedition of I. D. Bukholts and the “Uprising” of the Ishim Peasants in 1714] in *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2, 20-24. (in Russian).
8. Murav'eva, L. A. (2007). *Denezhnaya reforma Petra Pervogo* [Monetary Reform of Peter the Great] in *Den'gi i kredit*, 1, 63-71. (in Russian).
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting]. PSZ-I. T. V. No. 2673. (in Russian).
10. PSZ-I. T. V. No. 2707. (in Russian).
11. PSZ-I. T. V. No. 2871. (in Russian).
12. PSZ-I. T. V. No. 2877. (in Russian).
13. PSZ-I. T. V. No. 3081. (in Russian).
14. PSZ-I. T. V. No. 3298. (in Russian).
15. PSZ-I. T. VI. No. 3601. (in Russian).
16. PSZ-I. T. VI. No. 3756. (in Russian).
17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)*. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214. Op. 5.D. 2640.L. 82, 83 rev. (in Russian).
18. RGADA. F. 248. Book. 17. Inset between L. 18-20, 97. (in Russian).
19. RGADA. F. 340. Op. 1, part 1.D. 59.L. 385. (in Russian).
20. RGADA. F. 1113. Op. 1.D. 28.L. 814-815. (in Russian).
21. Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epohu petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711-1727 gg.)* [Administrative Structures and

Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of the Siberian Province in 1711-1727)]. Ekaterinburg, Volot Publ. (in Russian).

22. Redin, D. A. (2020). *Kancelyariya podryadnyh del (k istorii zakonodatel'no-administrativnogo regulirovaniya gosudarstvennyh zakupok v Rossii petrovskogo vremeni)* [Office of Contracting Affairs (on the History of Legislative and Administrative Regulation of Public Procurement in Russia during Peter's Time)] in *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 3 (37), 131-144. (in Russian).

23. *Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HKH vekov. T. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation of the X-XX centuries. T. 4: Legislation of the period of formation of absolutism] / Otv. ed. A.G. Mankov. In 9 volumes / Under total. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature.

24. Serov, D. O. (2007). *Administraciya Petra I* [Administration of Peter I]. Moscow, OGI Publ. (in Russian).

25. Serov, D. O. (2012). *Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii v pervoj treti XVIII v.* [Fiscal Service and Prosecutor's Office of Russia in the first third of the 18th century]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. (in Russian).

26. Serov, D. O. (2019). *Protivodejstvie korrupcii: opyt Petra I* [Anti-corruption: the experience of Peter I] in *Yuridicheskij mir*, 9 (273), 27-35. (in Russian).

27. Shul'kova, N. N. (2004). *Preobrazovaniya denezhnoj sistemy Rossii konca XVII – nachala XVIII v. Reforma Petra I* [Transformations of the Monetary System of Russia in the late 17th – early 18th centuries. Reform of Peter I] in *Denezhnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 37–41. (in Russian).

28. Yani, P. S. (1997). *Ekonomicheskie i sluzhebnye prestupleniya* [Economic and Official Crimes]. Moscow, Biznes-shkola "Intel-sintez" Publ. (in Russian).